

Коля жил в конце улицы имени Маяковского. Нашей улицы. Если бы поэт увидел этот проспект через сорок лет после своей смерти, то застрелился бы. Видимо, увидел, во сне. Поэтому и застрелился. Или застрелили.

Дощатые финские домики поселка под названием Лагерь, горбатые и холодные. Заваленная щепой и опилом проезжая часть. В конце улицы шло небольшое понижение, с болотцем, а дальше несколько частных домов, в одном из которых и жил Коля, с матерью — тётей Настей, братом Алексеем и се-

строй Галой. Отец умер, как я узнал позднее, от туберкулёза. Но тогда, когда умер отец, мы ещё не были с Колей друзьями.

Он всегда, все десять лет, был лучшим учеником класса и школы, круглым отличником. Я же учился с двойки на тройку и наоборот.

Кроме того, Коля был самым красивым мальчиком школы — с густыми волосами, ровными белыми зубами, прямым носом, волевым подбородком, ямочками на щеках и широко расставленными карими глазами. При всём этом — губки бантиком.

В младших классах он ходил в аккуратной школьной форме серого цвета с белым воротничком. Чистый и опрятный, как с открытки.

Парнем он был спортивным, но не богатырём. Но в его поведении, осанке, посадке головы было столько достоинства и характера, что ни один хулиган не подходил к нему с раскрытой пастью.

Мы были настолько далеки друг от друга, что я даже не запомнил его отсутствия в классе в течение нескольких месяцев. Потом меня послали лечиться в школу-санаторий, от детского туберкулёза, и там я впервые увидел магнитофон — на радиотехническом кружке, и услышал старые записи, на одной из которых узнал голос одноклассника — с грассирующей буквой «р». Оказалось, он провёл эти несколько месяцев в санатории на профилактическом лечении, после смерти отца. Тетя Настя работала на почте и получала нищенскую зарплату. Жили за счёт коровы и огорода.

На соседней улице, носившей имя великого поэта Пушкина, жил ещё один мой одноклассник, звали его Толя. Если бы Александр Сергеевич увидел улицу своего имени, то позволил бы себя застрелить. Видимо, увидел. Эта улица была точно такой же, как и наша.

И улица Николая Островского была такой же. На ней жил Саша Сумишевский, ставший потом знаменитым артистом эстрады.

Дальше шли пять улиц Максима Горького, только там стояли не финские дома, а бараки, оставшиеся от Четвёртого отделения Соловецких лагерей особого назначения.

Революционный писатель Островский умер от полиартрита, слепым и разочарованным в социалистической реальности.

А Горький боролся с туберкулёзом и умер от несовместимой с жизнью болезни лёгких. А может, от вируса, подаренного ему НКВД. Или яда. Какая разница — умер он от любви к советской власти, роскоши или страха перед Сталиным? В наследство великий пролетарский писатель оставил нам рассказы, романы, туберкулёз и бесчисленные версии своей смерти.

Таковыми были в посёлке улицы. Спрашивается, куда они могли привести? Видимо, начальник лагеря НКВД, под командованием которого строился этот посёлок, был большим любителем литературы.

Коля и Толя дружили на почве бескорыстной любви к математике. У них были светлые головы, они сидели на самой задней парте и изнывали от собственного дарования. Тетради по алгебре оставались чистыми, поскольку мальчики все задачи, даже длиной в половину школьной доски, решали в уме.

Я сидел на второй парте и умирал от страха перед математичкой по прозвищу Шоня. Она приехала на Урал с Украины и всех двоечников терроризировала вопросом «Ну, шо тебе надо?» Лютая женщина, из банды Махно. Стройная, подтянутая, без единой улыбки на лице, как мумия.

Когда она произносила «шо с тобой?», мой мозг каменел — и я забывал всё, что вызубривал накануне. Она гипнотизировала меня змеиным взглядом до полного оцепенения.

Однажды после звонка на урок я выглядывал из-за угла в ожидании, когда на лестнице, ведущей со второго этажа, появится она. И она появилась — стуча высокими каблуками. Я крикнул «Шоня!» — и, похоже, крикнул достаточно громко, потому что она услышала. Когда я бежал в сторону класса, у меня развязался шнурок, я упал на колено и стал его завязывать, в это время она поравнялась со мной и тихо произнесла: «А, это ты, тупой!» И с этой минуты я стал ещё тупее и безнадежнее.

А Коля с Толей процветали, разбираясь с алгеброй, как с кедровыми орешками. Они были смешливыми и здоровыми: Коля русский, а Толя блондин, до самых ресниц.

Умерший от туберкулёза отец Коли работал механиком (в сарае остался военный джип ГАЗ-67), отец Толи и мой отец — шоферами. Богатых не было, интеллигентных — тоже. Книг имелось также мало, как квадратных метров жилья. Но уже в то время Коля прочитал всего Джека Лондона, на ко-

того был похож даже внешне. А ровный и целеустремлённый характер отличника сулил ему путь космонавта. Учителя относились к нему с уважением, граничащим с восторгом. Я это время проводил в больничных палатах, и мать молилась, чтобы я выжил, в очередной раз.

Мне жизнь давалась с большим трудом, хотя сам я это понял только сейчас, на старости лет: «Мне ничего не досталось легко, кроме жизни, которая небом открылось в зияющих звездах. Все остальное зубами я рвал, будто воздух, в казенных палатах, в казармах родимой Отчизны».

Сейчас, когда уже можно окинуть взглядом прожитое, судьбы друзей и просто одноклассников, можно попробовать раскодировать то, что было заложено в нас природой и благоприобретено позднее, на дороге жизни. Хозяева ли мы себе? Или кто-то шутит с нами, с той стороны тёмного стекла?

Кем, допустим, я мог стать, если жил на улице Маяковского, а соседние улицы были Островского, Пушкина, Толстого и Горького? У меня выбора не было — только писателем.

А ещё я был влюблён. Её звали Таня — и она была старше меня на год. И выше ростом, и красивее. И всё у неё было особенное — школьное платье не коричневого цвета, а тёмно-малинового, и жила она не в бараке, а в каменном доме с эркерами и двумя подъездами, напротив школы, сразу за липовой аллеей.

Это была настоящая любовь. Безмолвная, как небо. В перемены я поднимался на второй этаж, становился за углом и украдкой подсматривал, как она выходила из класса, останавливалась у коридорного подоконника, облокачивалась на него и разговаривала с подружками. А вечерами я мог пять-десять раз пройти по липовой аллее под её окнами, светившимися сквозь ветви деревьев. Я смотрел, не дрогнет ли штора — и мне часто казалось, что штора медленно отходит от края и двигается вслед за мной, сопровождая взглядом. Только потом я понял, что это была иллюзия, вызванная моим же движением. Все было иллюзией, прекрасной картиной, даже любовь, признанная нынче

Всемирной организацией здравоохранения психическим заболеванием. Ходил по этой аллее в дождь и снег, я считал, что в таких домах, с эркерами, могут жить только какие-то особенные люди, которые по вечерам при свете настольных ламп читают вслух книги и слушают музыку. К этому времени я представлял Таню героиней книги Островского «Как закалялась сталь». Помню, второклассником ещё я был с мамой в гостях на хуторе у её подруги. И дочь хозяйки, уже девушка, старше меня лет на восемь, предложила мне взять с собой книгу. «Почитай эту, — сказала она, — «Как закалялась сталь»! Я смутился — мне вовсе не хотелось читать о металлургии, мне хотелось чего-нибудь о людях, художественное — и я отказался. А потом, в шестом-седьмом классах, прочитал эту книгу три раза. Да, я рос революционером.

Зимой нашей самой большой радостью был каток в центре города, когда заливали водой целое футбольное поле и на двухэтажном здании стадиона врубали усилитель с эстрадной музыкой. Лёд освещался электролампами — и мы начинали кружиться на коньках, будто бабочки вокруг огня.

Когда мороз опускался за минус срок, по радио объявляли отмену школьных занятий, чтобы детки не простудились на воздухе. Тогда мы с восторгом хватили коньки-канадки на ботинках — и бежали в тумане к стадиону. Но ворота были закрыты, здание — тоже, и свет не горел. Но мы перебрасывали коньки через забор и лезли через него. Каток был покрыт туманом и частично снегом, поскольку никто не чистил, но мы все равно переобувались, ставили валенки в снег — и резали лед в тумане, всего несколько человек, самых отчаянных.

А в обычные дни здесь был настоящий праздник. В здании работала раздевалка и точилка, где крымский татарин со странными глазами, один из которых смотрел куда-то в сторону, за двадцать копеек доводил наши коньки до острого и абсолютно ровного состояния лезвия. Как ему, косоглазому, это удавалось, было для меня загадкой.

В большом длинном вестибюле здания вдоль стен стояли деревянные кресла и скамейки, а пол был устлан резиновыми ковриками, чтобы ходить по нему было удобно и безопасно для здоровья и самих коньков. И всё это организовал мой дядя Арменак, директор стадиона. Я, правда, никогда в его кабинете не был и никогда его ни о чём не просил. Я был уличным пацаном.

Тогда в леспромхозовские магазины начали завозить китайские свитера — яркие, с красивыми узорами, всевозможные куртки необычных кроев, и больше половины катка были одеты в них. Поэтому — и от музыки, конечно, и от молодости, от вечной любви — лёд превращался в праздничную феерию, бал, маскарад и фестиваль. Здесь начинались, протекали и завершались романы, с ревностью и даже драками. Так мне однажды досталось от детдомовских пацанов — я получил в челюсть от главного из них, тот был старше меня, крупнее и наглее. Остальные стояли позади него в качестве подстраховки. Я драться не умел, хотя приходилось, к тому же был на коньках, а он нет. Я упал на спину и больно ударился затылком об лёд. Слава богу, этого никто не видел, поскольку все происходило в стороне, у снежного бортика, где я отдыхал от нарезания кругов. А главное, я не понял — за что. Потом ко мне подошла одна девушка, из детдомовской компании, и с улыбкой сообщила, что отметелила того пацана за меня. Я посмотрел на неё, на её руки и лицо, и понял, что она не врёт. Это она так призналась мне в своей благосклонности. Хорошая такая девушка. Оказывается, меня к ней приревновали, хотя сам я видел её впервые. Детдомовские ко мне больше не подходили.

Катались мы до последней минуты, пока было возможно.

Я пришёл в новый класс, с которым объединили нас, лагерских пацанов. И в первую же неделю вышел читать отрывок из «Мёртвых душ» Гоголя и сделал этот так, как меня учила Инесса Васильевна Новикова, моя учительница в школе-санатории для туберкулёзных детей. Класс покатывался

со смеху. Никто и никогда из этих ребят не читал текст с выражением. Учительница поставила мне пять. Я сел за одну парту с Валерой, первым учеником школы.

В шестнадцать лет я почувствовал, что здоровье стало прибавляться. Вскоре врачи констатировали, что мои лёгкие оказались чистыми. Я перестал читать Максима Горького и переключился на Джека Лондона из Колиной библиотечки. Кажется, мы окончательно подружились, когда просили у преподавателя физкультуры, Анатолия Михайловича Селянина, ключи от спортзала и играли вечерами в баскетбол до полного изнеможения. Наш класс объединили с классом десятидворских — из микрорайона двухэтажных благоустроенных домов в центре городка, где жили в основном семьи управленцев комбината. Лагерские пацаны составили достойную конкуренцию десятидворским, среди которых блистал Валера, у которого только по русскому языку была четвёрка. К математикам Толе и Коле прибавился я, когда написал сочинение в стихах, чем покори́л умы одноклассников.

— Я понимаю, что можно написать хорошее сочинение, — сказал по этому поводу Валера, — но зачем добивать так — в стихах?

Когда я вернулся из санатория, меня посадили с десятидворским отличником за одну парту. Будто на всю жизнь. Сам Валера на уроке химии что-то писал на форзаце учебника, развернул и показал мне — это было стихотворение Гейне в оригинале, на другой стороне шёл русский текст: «И рука смелее бродит вдоль девичьего бедра...»

— В переводе Вильгельма Левика, — добавил Валера.

— Я понимаю, Генрих Гейне, — сказал я, — но зачем же добивать так, в оригинале!

А потом началась любовь. Сначала Коля подошел к Гале, первой красавице школы. Но она, рассказывали, его отвергла — ростом, дескать, для неё не вышел. Я забыл сказать, что рост у Коли был чуть-чуть ниже среднего, что для меня никакого значения не имело, а для первой красавицы — другое дело.

В тот же год в нашем классе появилась Надежда из десятидворки. Среднего роста, но всегда на каблуках, с хорошей талией и развитой грудью, с густыми бровями, пухлыми губами и живым лицом. Где-то в конце девятого класса, если не ошибаюсь, она соблазнила Колю формами — и они начали встречаться, ходить в кино, гулять по липовой аллее и демонстрировать друг другу характеры. Мать Надежды была русской, а отец евреем.

Надежда пошла в маму. От папы ей досталась только фамилия.

Они начали встречаться — то у Толи зависали, то у Коли, а после занятий ходили на факультатив по математике. А весной я, Толя, Коля и Надежда ходили в лес за подснежниками. Фотографировались и пили берёзовый сок. Это был праздник жизни.

Мы приходили к Коле, брали у него колуны и топоры, и втроём шли по улице, предлагая бабушкам бесплатную рабочую силу. Мы кололи чурки, сваленные у домов, кручёные и сучковатые, берёзовые и сосновые с еловыми, потому что некуда было девать энергию, рвущуюся из нас наружу, как вулканическая лава. И мы хотели быть ещё сильнее, круче самой кручёной чурки.

Я не был комсомольским активистом — и общественным не был, но поскольку прославился как стихотворец, меня привлекали к разным мероприятиям — например, петь в хоре революционные песни. Но в то время мне все было интересно, даже революционные песни. И однажды меня послали с группой активистов в Соликамск, где должно было проходить трёхдневное мероприятие с местной организацией коммунаров. Я поехал только потому, что должна была ехать Таня.

В автобусе я сидел рядом с парнишкой, которого видел в первый раз. Он тоже пришёл в эту школу из другой. Невысокого роста, с большой кудрявой головой, крупными губами и мощным вздернутым носом. Он смеялся глазами и вёл себя скромно, как хорошо воспитанный мальчик.

— Сергей, — по-взрослому представился он и пожал мою руку.

Таня же всё время была в центре или впереди всех, командовала и строила. Я смотрел на неё, не мог оторвать глаз. Высокая, стройная, но без ярко выраженной талии, с тёмными волосами и такими же бровями, густыми, живописными. Маленький рот, как бутон розы, а маленький носик не был похож ни на один из тех, что я уже видел в жизни. Глаза медленные и таинственные... Именно такой должна была быть моя любовь. А какой же ещё?

В Соликамске, находясь под общественным наркозом, я написал стихотворение про Маркса, про космос и про коммунизм. Двести участников мероприятия в красно-голубых галстуках и высоких пилотках, стоя в строю, высказались за то, чтобы отправить моё произведение в «Комсомольскую правду». Я был настолько подавлен собственным величием, что вообще перестал сообщать.

Вечером состоялся импровизированный концерт, в котором приняли участие все, что были способны выйти на сцену без посторонней помощи. Я, учитывая мнение публики, был вынужден прочитать свой шедевр. Мне хлопали. Кому-то ещё из нашей делегации следовало выступить. Смелых больше не было. Неожиданно вызвался кудрявый.

— Что ты будешь делать? — тихо спросил я его, когда мы уже сидели в зале.

— Прочитаю басню.

— Главное — не волнуйся! — подбодрил я его, когда он уже двинулся на сцену.

Сергей вышел на сцену — в простых брючках и пиджачке, но что-то в его походке и манере держаться показалось мне знакомым...

— Басня Сергея Михалкова, — объявил он сам — и сделал паузу.

«Вороне бог послал по блату сыру, ворона с голода раскрыла насопыру, и чтоб пошамать влезла сдуру на самую лесную верхотуру», — читал Сергей так, что сразу стало ясно, кто и кому тут должен говорить «не волнуйся!». У него двигалось всё тело, при этом — ничего лишнего: мимика лица, жесты рук, движение головы точно соответствовали тому, что он произносил.

«Ворона шляпа — долго сыр во рту держала, а снизу ей лиса арапа заправляла...» Зал хохотал так, как никто из присутствующих, наверное, никогда в жизни. Это были волны хохота, которые шли от сцены, на которой стоял Сергей.

Только потом я узнал, что Сережа уже со второго класса на сцене — как член драматического кружка при Доме культуры бумажников. И понял, что мне в его походке показалось знакомым — так свободно на сцену выходят только эстрадные знаменитости.

Я был влюблён в Таню до 9-го класса! Но ни разу с ней даже не гулял.

И Коля с Надей погуляли мало — не дошли и до конца липовой аллеи. Это произошло у меня на глазах, перед кафе «Ветлан». Она сказала ему слово — он ей в ответ, она тут же, на месте, развернулась на высоких каблуках кожаных сапожек, туго облегавших стройные ноги, вскинула голову и гордо пошла по солнечной слякотной улице в апрель своего бесконечного, как потом оказалось, одиночества.

Мы с Серёжей подружились. Он жил за желтым домом с эркерами. Дом был похож на барак, но каждая квартира имел отельный вход. Две маленькие комнаты и крохотная кухня, абсолютная чистота и порядок. Ещё бы — мама Серёжи была немкой, работала медсестрой. Высокая полноватая блондинка. Отец, охотник, показался мне человеком молчаливым и немного мрачным. Внешне Серёжа пошел в него. Младшая сестра Лена была ещё молчаливее отца. Она не разговаривала, а рисовала. Как оказалось, у неё были проблемы со слухом.

У сарая новый друг показал мне большую лайку с черной сверкающей шерстью.

— Медалистка! — сказал он.

Наша лайка Джульбарс была поменьше — с жёлто-белым окрасом, но тоже настоящей охотничьей собакой. Отец привез её щенком из какой-то деревни. И буквально носил на руках.

Новый год я встретил с Серёжей. Его родители ушли в гости на всю ночь — и мои родители ушли. Я предупредил, что ухожу тоже.

Серёжа казался мне более взрослым — может быть, более развитым, чем я. Он знал много такого, о чём я даже не слышал. Он достал мороженный кусок лосиного мяса и нарезал его тонкими кусками.

— Это называется строганиной! — пояснил он. — Есть надо с солью и перцем.

Мы ели строганину и пили красное шипучее вино, бутылка которого, конечно же, нашлась у Серёжи.

Серёжа выступал на сцене и любил западную эстраду — у него уже была коллекция больших виниловых пластинок. Особенно часто он слушал популярного тогда испанского певца Рафаэля с известной песней «Пусть будет, что будет». Кроме того, у Серёжи уже имелся магнитофон, вещь редкая и удивительная. Именно у него я впервые услышал Владимира Высоцкого и был поражён хриплым голосом, нестандартной манерой исполнения и словами, полными страсти и правды: «А ты уймись, уймись, тоска, у меня в груди! Это только присказка — сказка впереди!»

Мы смотрели «Голубой огонёк» так долго, пока не уснули на диване, в тихом океане самого первого в жизни хмеля.

Серёжа дружил с девушкой, жившей в старом двухэтажном деревянном доме на восемь квартир, с двумя подъездами. Это были дома с водоснабжением, туалетом и ванной. Такие не каждому доставались, а только лучшим.

Если подходить к дому Тани по липовой аллее со стороны центра, где в это время уже жила наша семья, то по правой руке шли два таких дома — чёрных от времени, а дальше стояли дома с эркерами.

Девушку звали Анной. А её маму — Светланой Павловной. Что было с отцом Анны, осталось для меня тайной. А вот мать представлялась мне женщиной совершенно необычной. Хотя, как я понял позднее, таких людей в городке было немало — все из репрессированных. У них в комнате стоял большой шкаф с книгами, среди которых было много таких, о которых я даже не слышал. И все эти книги Светлана Павловна читала!

Анна была умной и симпатичной девушкой среднего роста, с веснушчатым лицом и большими глазами.

В тот вечер нас пригласили к Анне на день рождения. Сначала я заглянул к ней, поздоровался, увидел, что она готовит пирожные, сказал, что мы скоро придём, и пошёл к Серёже, это было совсем рядом. Окна их квартиры в бараке выходили на огороды, за которыми шла единственная асфальтированная дорога — от дома директора комбината до ворот предприятия.

Серёжа был мрачен и сосредоточен.

— В чём дело? — спросил я.

— Я не пойду на день рождения, — ответил он.

— Ты с ума сошёл! Тебя же там ждут! Пирожные стряпают...

— Я не могу больше лгать... — ответил он. — Я не люблю Анну...

О Бог мой... Он её не любит! Он не может лгать! Какой честный... А пирожные?

— Что ты собираешься делать?

— Ты вызовешь её на улицу — и я ей всё скажу!

— А это нельзя сделать завтра? — обрадовался я простой своей мысли.

— Нельзя, — ответил он мрачно.

Я понял, спорить с ним бесполезно. И какое меня взяло зло от его закрученных волос негритянских! Пушкин нашёлся...

Это был самый напряжённый праздник в моей жизни. Мы ели пирожные и молчали. Молчала Анна, и все другие, кроме меня, молчали, не понимая причины происходящего.

С этими честными вообще трудно — дня подождать не могут, а ты сиди и пей этот чай за них. Сиди и смотри в корешок книги Этель Лилиан Войнич за стеклянной дверцей шкафа.

Летом после 9-го класса мальчики нашего возраста проходили военную подготовку под руководством офицера запаса Николая Степановича. Он научил нас, как правильно маршировать, разбирать и собирать автомат Калашникова, а также быстро надевать противогаз. Только одному не обучил нас старший служака — подчиняться дегенератам

так, чтобы не утратить чувство собственного достоинства. Особенно любили военное дело Коля с Толей. Я это дело недолюбливал, но терпел из любви к Родине. Мы все ходили в пиджаках с короткими рукавами, потому что за один год успевали вырасти из них, а новые покупались только к сентябрю, да и то не всем покупались.

Военная подготовка продолжилась на возвышенности за Вижаихой, поросшей сосновым лесом. Там располагалась подразделение противовоздушной обороны с локаторами, которые вращались над тайгой, просвечивая пространство и наводя ужас на гипотетического врага. Мы рыли в лесу одиночные окопы для стрельбы лёжа и ходили в атаку, распугивая рыжих белок воинственными криками «Вперёд, за Родину!». И Родина нас не забыла. Особенно некоторых, мечтавших стать офицерами.

Я сидел на уроке физики и думал не о формулах — я любовался формами молодой преподавательницы, Нины Антоновны Фальковской. Она что-то писала на доске, повернувшись к классу спиной. Мне очень нравилось, когда она что-нибудь так писала... Она мне вообще нравилась — высокая, с широкими бедрами и невозможно узкой талией, каштановыми волосами, скрученными на затылке, аристократическим, с горбинкой носом и губами, полными жизни. Хорошая учительница, эффектная. Не то что эта Лариса Авенировна — маленькая, толстенная, в очках, смотреть не на что во время урока, разве это учительница? Учительница должна быть такой, чтобы было куда смотреть. Я не отрывал взгляда от Фальковской, но боковым зрением заметил, что Колокольчикова пишет в тетради и одновременно вертит левой рукой пластиковый треугольник. Солнце освещало ближние к окнам парты, и по доске бегал «зайчик» от треугольника Колокольчиковой.

— Прекратите пускать «зайчика»! — сказала учительница, не поворачивая головы.

А никто и не пускал — Колокольчикова не понимала, что это от её треугольника.

— Ещё раз повторяю, прекратите пускать «зайчика»!

Народ начал переглядываться, но светлое пятно никуда не пропало. Нина Антоновна наконец развернулась, но класс выражал полную безвинность — и, действительно, виноватых не было. Кажется, только я это заметил. И тут мне пришел в голову коварнейший план, чтобы учительница обратила на меня внимание. С точки зрения владения материалом она обращала на меня внимание только как на ученика, который им не владел. А больше привлечь её было нечем — остальным я владел ещё меньше.

Я достал из нагрудного карманчика пиджака маленькое квадратное зеркало — из тех, которые в том возрасте носили многие, и лишний раз убедился, что необходимых достоинств у меня нет. С тайной улыбочкой я положил зеркальце на край парты и углубился в физические формулы.

Нина Антоновна медленно шла вдоль рядов, наблюдая за работой учеников. Ну и, конечно, остановилась рядом со мной.

— Бессовестный, — громко произнесла она, — я же просила прекратить «зайчики»!

Она схватила зеркальце, быстро вернулась к доске, подошла к форточке и выбросила его на улицу.

Я был счастлив — она обратила на меня внимание!

После урока народ столпился у стола, обсуждая с Фальковской всё, что угодно, даже решение последней задачи. Ещё бы — она была очень популярной женщиной, особенно у мальчиков нашей школы.

— Нина Антоновна, я хочу сказать вот что, — начал я громко, — я сижу в том ряду, на который солнце не падает, поэтому, с точки зрения физики, пускать «зайчиков» я не мог!

Это был самый торжественный и подлый миг моей жизни — да, она обратила на меня внимание! И запомнила на всю жизнь. До сих пор я тоскую по её улыбке, полной малиновой сладости бытия.

— Юра, ты сволочь! — сказала учительница, которую любили и любят до сих пор все, кто вообще на это способен.

Нина Антоновна Фальковская, полячка двадцати пяти лет, кумир молодежи, смо-

трела на меня, и глаза её были полны ярости. О, Нина Антоновна, конечно, я сволочь, ещё какая.

После девятого класса мы ходили в поход до поселка Светлый через Верхнюю Язвуву. По дороге мы пели песни: «Третью неделю, жди не жди, третью неделю льют дожди», а один раз отбивались от домашних свиней, напавших на нашу стоянку и стащивших пять буханок хлеба. Это была настоящая война — с неожиданной атакой, преследованием врага и слезами по утраченному. На Светлом мы остановились в пустующей квартире брусчатого домика и поднялись на Помяненный камень — восточную часть Полюдова кряжа, тянувшегося сюда от Полюдова камня, реки Вишеры и нашего города. Мы поднялись по тропе, которая разветвлялась и периодически пропадала в зарослях вереска и папоротника, залезли на пару останцев — каменных столбов, стоявших на вершине поросшего лесом хребта, но увидели только восточный горизонт — невысокие Уральские горы, с которых начиналась Азия. Западная часть была покрыта пеленой дождя, шедшего на нас, и мы быстро начали спуск в посёлок. Но не успели, попали под дождь, оказавшийся коротким, но вечером всё равно надо было сушиться. Мы топили печь, готовили ужин, а потом от чрезмерного оживления, быть может, начали беситься: мы обливали водой друг друга и учителей — Нину Антоновну и Ларису Авенировну, они обижались и обливали в ответ нас. Это было всеобщее сумасшествие, доходившее до истерики, когда энергии в несколько раз больше, чем ума. Но надо сказать, счастливее минут в моей жизни не наблюдалось, хотя я пожил уже достаточно.

После нас, сборную команды школы, откомандировали на областной туристический слет. Во время общей прогулки по Перми под надзором Авенировны я впервые в жизни увидел зоомагазин и, конечно, вошёл в него. А там — попугаи, золотые рыбки и даже черепахи! Я тут же купил пару черепах, а когда появился с ними перед Авенировной, у той начался припадок. Она кричала, что их

надо не только содержать (а как этих животных содержать в палатке?), но и кормить (а чем ты будешь кормить эту гадость?).

— А давайте их сварим! — предложил Коля Усанин.

— Съедем и spoём песню! — добавила Гала Ломакина. — «Я мечтала о морях и кораллах, я мечтала суп поесть черепаший, я ступила на корабль, а кораблик оказался из газеты вчерашней!»

— Прекратите ёрничать! — заорала преподаватель географии Лариса Авенировна.

Она не мечтала о морях и кораллах... А черепах ненавидела так, что даже есть их не могла.

Мне пришлось вернуться в магазин и объяснить продавщице ситуацию. Она, добрая, приняла животных обратно.

В начале учебного года мы сделали стенгазету, посвящённую походам, и в ней я оттянулся стихотворными строками: «Лариса, дочь Авенира, мечтала об огромной высоте, хотела облазить все горы Памира, а лазить пришлось на Уральском хребте!» Оказалось, этим безобидным текстом я смертельно обидел учительницу — и она зачислила меня во враги.

В десятом классе мы, кроме алгебры, много времени уделяли ширине брюк — в колене и в нижней части штанин. Материал должен быть однотонным и с определённым процентом лавсана, чтобы в отглаженном состоянии сохранять строгую форму. Мы были серьёзными молодыми людьми, а не шантрапой какой-нибудь, которая позволяла себе подшивать к нижней кромке штанин металлические молнии, чтобы подметить клёшами тротуары. Передние уголки наших отглаженных брюк должны были висеть точно над носками «корочек» — узких туфель. А шире считалось дурным тоном. Висеть — а не волочиться по земле! Обсуждению этих подробностей мы уделяли немало времени из того, что нам было отпущено сверху. Впрочем, упрекнуть моих друзей в неуспеваемости или лени никто не посмел бы. Они были лучшими. Серёжа и Толя предпочитали серый цвет, мы с Колей — коричневый.

И классические пиджаки. Один Валера Южанинов оставался отличником, ходил в коротких узких брюках, а также донашивал отцовский пиджак, что хорошо было заметно по широкому лацканам с устаревшим покроем. Но ему одноклассники всё прощали, потому что он был самым умным. Да, Коля и Валера всё время соревновались между собой на разного рода олимпиадах.

У Серёжи был друг Олег, который пришёл с ним из «красной» школы и учился в параллельном классе. Высокий, выше всех, плечистый, с руками, мощными, как у орангутанга. Одним ударом, наверное, мог убить человека.

Оказалось, вообще дикость, они влюблись в одну девочку из нашего класса — Марину, крохотную такую, с воробьиным носиком и блеклыми белокурыми волосами. Вот почему Серёжа не пошёл на день рождения! Единственная достопримечательность — талия, не велика достопримечательность, во всех смыслах слова. Честно сказать, я эту девочку из «десятидворки» вообще не заметил бы, если б не они... Они влюбились! Я к этому времени забыл, что это такое — любовь, поскольку Таня отошла в мир воспоминаний. Реальными стали девушки с развитыми формами. Была там одна — по имени Рая... Ну, это отдельный разговор.

Крохотная выбрала Олега, может быть, по физическим параметрам, может быть, потому что его семья была более обеспеченной, хотя в том возрасте на это мало кто обращал внимание, только сами родители. При этом друзья не ссорились, хотя обо всём знали, и даже гуляли по вечерам втроём. Конечно, лучше всех было Марине — никто не подозревал, что её ждёт такой успех! Особенно рослые подруги.

Я сочувствовал Серёже, но не понимал. Как будто мало девчонок вокруг! Взять хотя бы Галю Колокольчикову... Хотя нет, её не возьмёшь, с такими амбициями у нас был только Коля — и у того не получилось.

И однажды Олег поссорился с Витей Гордеевым из нашего класса. Мать этого пацана была врачом, он был из благополучной

семьи, учился не торопясь, был subtilным красавчиком и стильным мальчиком — ходил в приталенном пиджачке и лакированных башмаках. Вёл себя вызывающе. Я его практически не знал — всего второй год вместе учились и были из разных компаний, но он мне не нравился. Я думаю, мы ни разу не схватились друг с другом только потому, что наши родители были хорошими друзьями.

Сразу же, как в таких случаях бывало, собрались зрители, представители противоборствующих сторон, и во время большой перемены все пошло к большой башне из серого кирпича, которой завершалось длинное здание нашей школы. И перемены этой вполне хватило, поскольку драка оказалась очень короткой.

Все встали в круг и никто не скрывал своих симпатий — кричали и подбадривали бойцов. Вообще-то драки в десятом классе были явлением редким, если не сказать — исключительным. Другой драки в этом возрасте я просто не помню. Вся наша компания была на стороне Олега, который стоял в центре круга с улыбочкой на лице, расстегнутом черном пиджаке, с двумя расстегнутыми верхними пуговицами рубашки, что демонстрировало миру выпуклую грудь примата-самца.

Некоторое время они ходили друг против друга, даже не прикрывались руками. И вдруг subtilный Витя нанес Олегу резкий удар в лицо. Никто этого не ожидал, особенно сам Олег. Под его вздёрнутым носом показалась кровь. Он тут же попытался ответить двумя взмахами рук, но кулаки цели вообще не достигли. Поскольку Витя легко и изящно уходил от них в своих лакированных башмаках с абсолютно спокойным лицом. Самое удивительное было в том, что Олег так и продолжал ходить в центре круга, опустив руки до колен и даже не пытаясь прикрыть лицо. В этом была какая-то бравада и уверенность в собственном физическом превосходстве. И вскоре он получил ещё один короткий и сильный, видимо, удар, поскольку кровь из носа пошла ещё сильнее.

— Всё, достаточно! — неожиданно выступил Коля — и своим авторитетом прекратил бой.

Мы были огорчены и разочарованы — поведением Олега и ещё тем, что никаких моральных претензий Вите предъявить было нельзя, хотя и хотелось. Витя возвращался в школу Виктором — победителем.

И тогда я понял, что физическая сила в противостоянии — дело второе. Если не третье, что скорее всего, — после силы духа и мастерства.

Математики Коля и Толя вели бесконечные разговоры о сальниках, трансмиссиях и цилиндрах с поршнями, в которых я, сын шофёра, ничего не понимал и главное — понимать не хотел. Летом Толя работал автослесарем в гараже и усваивал основы взрослых отношений — специальности, разряды и заработные платы, а Коля ремонтировал отцовскую машину. Серёжа слушал музыку, а я писал печальные стихи. Жизнь была полна будущим, которое начиналось сразу за выпускным балом. И мы были уверены в этом будущем, как миллиарды до нас и после.

Толя гордился тем, что отец разбирается в машинах и шьёт кожаные кепки, я гордился тем, что мой отец — бывший партизан, Серёжа — что отец профессиональный охотник, и только Коля молчал. Отец Валеры был начальником на комбинате, он бывал даже за границей, у них дома стоял шкаф со «Всемирной библиотекой» в суперобложках и новая машина — самая первая модель «Жигулей». Валера жил в десятидворке, что рядом с парком и крутым берегом Вишеры, — это был центр города.

Коля столь часто побеждал на олимпиадах и получал пятёрки, что где-то к десятому классу у него появилась гордость, быстро перешедшая в гордыню. Поперечным он стал.

После выпускного мы всю ночь гуляли по городу, выходили в парк, на берег Вишеры — и Коля с Серёжей разделись, чтоб искупаться в Вишере, хотя все были выпившими. Я уговаривал их не делать этого — ещё жива была в памяти история, когда после выпускного перевернулась лодка с пятью

девушками в белых платьях — и все утонули. Это была страшная трагедия, которую переживал весь город. Но Серёжа с Колей поплыли, прямо в часах, что доказывало их опьянение. Ничего не боялись, никого и ничего. Течение было сильным, я переплывал Вишеру не один раз и знал это. Холодным и сильным. Но, славу богу, обошлось, и они вернулись, замерзшие и весёлые.

Потом мы, в костюмах, белых рубашках и галстуках, фотографировались у берёз и целовались со своими девушками. Мы смеялись в оптическое стекло фотоаппаратов, глядя в будущее с уверенностью и счастьем в глазах. У нас было всё — родители, дом, молодость, здоровье, школьное образование и оно — это будущее, все университеты мира, все страны и континенты, все самолёты и подводные корабли с надводными, любовь и открытия, книги и фильмы. Вся Вселенная была у нас!

Всё было впереди, а позади — школа и первая песня, похожая на мычание, когда формулы запоминаются лучше жизненных уроков. Понятно, чем человек моложе, тем короче память.

Серёжа не стал никуда поступать — и первой же осенью отправился в армию. Его старший товарищ, к тому времени уже известный артист Саша Сумишевский, с которым они занимались в драматическом кружке, договорился с военным ансамблем, в котором раньше служил сам. И Серёжу взяли туда конферансье. Ансамбль располагался в Перми, можно сказать, рядом с домом. В войсках такая служба считалась самой привилегированной, куда попадали одаренные природой и судьбой. Я приехал в областной центр вскоре после того, как снег лёг на землю уже надолго, до самой весны. Нашёл часть и вызвал Серёжу через какого-то солдата, входившего на военную территорию.

Друг пришёл — на нём была шапка с поднятыми ушами, серо-зелёная шинель и кирзовые сапоги. Обмундирование новенькое — и сам воин сиял здоровьем и боевым духом.

— Пойдем в клуб, — сказал он и повёл меня через КПП — контрольно-пропускной пункт.

— А разве можно? — удивился я.

— Со мной можно! — с широкой улыбкой ответил Серёжа.

Только мы прошли КПП, оказавшийся пустым, как Луна, навстречу показался какой-то офицер — я тогда в звёздах ещё не разбирался, а сейчас уже забыл. Но по голосу не ниже генерала — так он орал.

— Кто вы такой? — орал генерал, а может — прапорщик.

— Это со мной! — вклинился честный Серёжа.

— А ты кто такой? — продолжал кричать полковник, а может — прапорщик.

— Рядовой второго взвода десятой роты!.. — прокричал в ответ Сережа.

— Кто позволил! Посторонних на территорию! Пошел вон!

— Есть! — ответил Сережа, откозырял, сделал разворот на месте и зашагал в своих кирзовых сапогах прочь.

— А вы покиньте территорию — и чтоб я вас здесь больше не видел!

Территорию я покинул с радостью. Сумасшедший дом, скопище психических больных. Я тогда ещё не знал, что вся моя страна — территория военной части, находящейся под контролем дегенератов. Вскоре мне предстояло увидеть командиров в лицо.

С Серёжей мы встретились только через два с половиной года, когда я вернулся из армии.

У Коли не было прав на вождение автомашины, зато имелась мечта — стать военным лётчиком. Что он им станет, никто из нас не сомневался. Толя мечтал о чёрной форме морского офицера с кортиком, а Коля поехал поступать в лётное училище. Но до экзаменов допущен не был, поскольку не прошел медицинскую комиссию — врачи заподозрили близорукость. Когда выяснилось, что у него стопроцентное зрение, было уже поздно. И на экзамены в другие учебные заведения он не успел. Может, не будь этого — ошибки врачей, и судьба его

сложилась иначе. Толя сдал математику на отлично, но провалил сочинение — и вернулся в город. Я тоже не поступил.

Осенью мы брали ружья и уходили в лес, где не убили ни одной птицы, даже вороны. По-прежнему пили вино, а потом стреляли по пустым бутылкам. Надо было тренироваться, впереди у всех была армия.

Коля и Толя вернулись в город сержантами с военной выправкой, уверенными в себе и сильными людьми. Я пришёл рядовым — чистые погоны, говорили у нас, чистая совесть.

Однажды я встретил на улице свою бывшую одноклассницу Веру, и она пригласила меня к себе в гости. Я удивился — сначала тому, как она изменилась: из незаметной девочки с хутора она превратилась в обаятельную девушку, барбариску, хорошо сложенную, с правильными чертами лица. Она уже успела кончить медицинское училище и стать фельдшером.

Я пришел к ней в гости — в частный домик, стоявший у самого леса, чистый, опрятный, как сама Вера. Родителей не было. Она встретила меня в спортивном костюме, подчёркивавшем формы. Мы с ней поговорили, попили чаю. Я сказал, что собираюсь поступать в университет. Мы были одни, и мы были молоды и симпатичны друг другу. Это создавало атмосферу возможного... Но я был слишком неопытен, чтобы предпринимать какие-либо действия.

— Хочешь спирта? — неожиданно предложила она. — Можно развести.

К этому времени я уже пил не только вино, водку и спирт, но и одеколон, только армейский опыт ещё не стал для меня главной радостью в жизни.

— Спасибо, не хочу, — легко отказался я. Быть может, это был самый лёгкий ответ, который я вообще давал на подобный вопрос.

— Тогда ещё чаю?

Только потом я понял, что она была разочарована моей робостью, отказом и планами поступления в университет. А у меня было слишком мало времени, чтобы понять всю прелесть этой девушки.

Я уехал, и больше мы с Верой никогда не встречались. Но я знал, как сложилась её судьба.

В это же время Коля познакомился и поссорился с Наташей, дочерью одинокого и однорукого мужика, жившего хутором на острове. Мужик был другом моего отца. Она была блондинкой с голубыми глазами — самой красивой девушкой в городе.

На реке Вишере был ряд островов, вытянувшихся по течению в цепочку и поросших густым ивняком. Любимое место купания. А напротив стоял хутор из трёх домов, в одном из которых и жил этот мужик, высокий и здоровый, потерявший на войне руку. Жил с дочкой Наташей, нашей сверстницей, учившейся в «красной» школе, прозванной так за цвет кирпичных стен. Это был другой конец города, поэтому с тамошними мы почти не общались.

Думаю, что особого труда Коле эта ссора не стоила, как и девушке. С ней многие хотели бы познакомиться. Жила с отцом, без матери, на берегу реки... Она казалась мне Ассоль из «Алых парусов» Грина. Она ждала своего принца — и дождалась. Правда, это был не капитан Грэй, а наш Коля, который красотой и умом шикарному актёру Лановому не уступал. Только ростом. Конечно, он вырос не в замке, а кто у нас там вырос? И у него не было корабля с алыми парусами, зато в сарае стоял старый джип, оставшийся после отца. Но не в этом дело, а в том, что это была настоящая любовь.

Коля был красив, а Наташа краше его и всех сверстниц нашего города. Талия, ножки, а самое главное — лицо: голубые глаза, белокурые вьющиеся волосы и вздёрнутый носик. Чистая киноактриса! Это была не девушка, а произведение искусства. Она должна была достаться лучшему из нас. Похоже, всё шло именно к этому.

Но однажды (я этого, правда, не видел и не слышал, но мне рассказывали) она сказала ему слово — он ей в ответ, она развернулась на каблуках — и пошла туда, куда ходить не стоило. Гордый был Коля, гордые были девушки. И стоила эта гордость до-

рого — кому личной жизни, а кому — жизнью самой.

Коля тоже развернулся — и уехал туда, где служил. Там, рассказывал, на танцах познакомился с белокурой дивчиной, к ней, дурак, и уехал. Вот так мы жили — с гордостью и ветром в голове.

Однажды Толя предложил мне пойти со знакомыми девушками на гору Полюд. Мы пошли — двенадцать километров вверх, к вершине, которая скалами обрывалась с другой стороны. И увидели вдалеке колокольни храмов Чердыни — древней столицы Перми Великой, а с восточной стороны — наш город, белым полумесяцем растянувшийся на повороте узкой и холодной Вишеры. Устроили пикник с картами, но вина оказалось так много, что выпить его не смогли. Тогда Толя с одной из девушек стали раскупоривать бутылки. Они подходили к пропасти и стоя на краю скалы выливали вино вниз. Я, с детства боявшийся высоты, ползал перед ними на коленях и умолял отойти от края, но они только смеялись в ответ. Пекло солнце, все были пьяными и уверенными в своем будущем, как в вечности.

Возвращались обратно, рассказывали анекдоты и разные истории из своей только начинающей жизни. Внизу нас ждал город детства, в который уже никогда не суждено было вернуться. Сверкала вода реки, в которой мы провели лучшие дни своей жизни.

После сдачи экзаменов в университет я приехал домой, и меня пригласил в гости старый товарищ, отмечавший свой день рождения. Его родители жили в частном доме, имели большое хозяйство и слыли людьми небедными. У моего товарища был младший брат — нескладный долговязый парень, работавший шофёром. Он сидел за длинным столом напротив меня и активно злоупотреблял, как и я. Где-то через час после начала праздника за спиной парня появилась озабоченное лицо его мамочки. И я услышал громкий шёпот мамыши: «Иди, там Вера пришла, иди скорее, а то уйдёт!»

Нескладный вылез из-за стола и пополз к выходу.

Мамочка, заботливая ты наша, хозяйственная. Я представил себе одноклассницу и этого жениха. Неужели согласится? Согласилась. Через полгода состоялась свадьба.

А через год, когда мы с Толей уже учились в больших городах, Коля вернулся домой с семьёй — маленьким мальчиком и женой, белокурой хохлячкой, тощей и скандальной, как базарная баба. Скоро она заявила ему, что не собирается жить на окраине, в маленьком доме у болота — и увезла Колю в свою Украину.

По рассказам матери, тётки Насти, в Украине Коля поступил в электротехнический институт, потом учиться бросил и начал пить так, что ей приходилось ездить туда, спасать сына. Ну, мы тогда все пили, кто от чего, но не так, чтобы нас спасали матери. Он пропал на недели, уходил к другой женщине, пока не развелся. Лет через пять вернулся на родину, без жены и сына.

Второй брак его был более удачным, если иметь в виду обстановку дома. Жена Людмила работала каким-то начальником, у неё была квартира и двое детей. Вскоре появился третий — мальчик, второй сын Коли. Однако именно этот последний компромисс Коли с обстоятельствами имел самое трагическое последствие из возможных.

Второй и последний брак не по любви имел предысторию, в которой самого Коли не было. Первый муж Людмилы утонул весьма загадочным образом. В это время на берегу сидел его друг Василий, который почему-то не бросился его спасать. Коля значение мистике не придавал, а это зря.

К этому времени он оставил свои интеллектуальные претензии к миру и сосредоточился на ремонте машин. У него была не только золотая голова, но и руки золотые. Он, официально работая вулканизаторщиком в гараже, ремонтировал машины и мотоциклы частным владельцам в свободное и несвободное время. Очень часто с ним расплачивались не деньгами, а водкой, поэтому домой наш красавец возвращался веселым и свободным от семейных обязанностей. А кто из нас тогда возвращался ина-

че? В восьмидесятых годах жизнь в стране замерла на пещерном уровне, возможно, в предчувствии катаклизма девяностых.

Людмила была женщиной образованной, но тёмной. Она никогда не раскрывалась, никогда не говорила душевно, а только коротко, как по обязанности. Ты друг мужа, я тебя накормлю — и всё, ты свободен, как подследственный. Широкая в кости, плоская и малоподвижная. Я сравнивал её с Наташей и приходил в ужас — что же стало с Колей, если он сделал такой выбор?

Алексей, младший брат Коли, жил на соседней улице, в таком же новом брусчатом доме на две квартиры. В молодости он попал в аварию на мотоцикле и сломал себе ноги. В течение нескольких лет перенёс восемнадцать операций — и всё равно остался хромым. У него было двое детей.

Я приехал тогда в отпуск, и Коля позвал меня помочь брату ремонтировать квартиру. Целый день мы клеили обои, а потом сели на веранде, залитой солнечным светом. К концу дня пошёл какой-то сплошной и прозрачный дождь, стекавший по стёклам и искажавший весь мир по прихоти своей кривизны. Было весело, ещё бы — мы сделали работу, мы пили водку и закусывали, полные энергии и желаний!

Мы все тогда говорили о справедливости, которой так не хватало в настоящем, а особенно в прошлом. Я говорил больше всех. Вспоминал о репрессиях, рассказывал о генерале Горбатове, о Солженицине и Галиче.

— Инструктор из обкома партии иногда привлекает меня к проведению социологических исследований на предприятиях города, — рассказывал я, — однажды он оставил меня в своём кабинете и ушёл. При этом открытый сейф и отчёты на столе... Я полистал эти отчёты. Там есть такое понятие — ответ на открытый вопрос. То есть когда человек, которого опрашивают, сам формулирует и записывает ответ на вопрос анкеты. В отчёте есть глава, где эти ответы воспроизводятся дословно. Я скажу вам, сегодня рабочие вообще ничего не боятся... Пишут, например, такое: «коммунисты за-

жирели» или «советская власть давно пропита!»! Что это значит? Секретари обкомов хорошо знают, что о них думает народ, но сделать ничего не могут. И не хотят!

— И ты считаешь, что в этих отчётах написана правда? — спросил Коля.

— Конечно, я сам провожу подобные исследования как социолог.

— Может быть, ты и думаешь так? — спросил он с улыбкой.

— Да, — усмехнулся я, — я думаю так же, как эти рабочие.

Неожиданно Коля улыбаться перестал. Он смотрел на меня пристально и зло. Я почувствовал, что ему хотелось бы ответить мне, но нечем.

— Если ты так думаешь о коммунистах и советской власти, то о тебе надо сообщить в КГБ, — твёрдо произнёс он, глядя мне в глаза.

Я опешил, я смотрел на друга и не знал, что сказать. Я понял, как далеки мы стали друг от друга, что даже говорить не о чем.

— Дурак, — ответил я наконец, — так думает большая часть страны, и даже не скрывает этого.

— Не ври, — поддержал брата Алексей, — мы, например, так не думаем.

— Вот вы и есть меньшинство!

— Нет, — хитро покачал головой Коля, — если советская власть стоит, значит, нас большинство!

Смысл в этом разговоре был один — в том, что нашу дружбу теперь держала только память.

Спал я на веранде, а на следующее утро братья поехали на мотоцикле в автопарк, где оба работали, Алексей — автослесарем. Я сидел в люльке, в отцовской шляпе, которую потуже натянул на лоб, чтобы её не сорвало воздухом. Но вдруг почувствовал — что сорвало, оглянулся — оказалось, это Алексей схватил её за поля и размахнувшись запустил, как летающую тарелку. Шляпа сделала крутой вираж опустилась в лужу. Братья громко рассмеялись — и Коля прибавил газу. Я понял, таким образом они отомстили мне за вчерашний разговор, они нуждались в эмоциональном реванше.

Когда приехали, я ушёл, не попрощавшись.

Настоящей Колиной страстью стали машины, мотоциклы и регулярная выпивка. Женщин в этом списке не было.

Когда я в очередной раз приехал на Вишеру, Коля появился под моим окном в десять утра — и просигналил.

— Поехали ко мне, посидим, выпьем за встречу, — предложил он с обаятельной улыбкой несостоявшегося космонавта.

— Коля, в такую рань? Я только проснулся!

— Поехали, я сказал!

Мы пили водку прямо в вулканизаторской, среди колёс и резины. А потом Коля сказал, что поедет домой спать.

— Ради бога, езжай по Толстого, не выезжай на Гагарина, — попросил я его.

Улица Толстого была более малолюдной. Он никогда не ходил пешком, если под рукой были колеса.

Он уехал, склонившись над рулем мотоцикла, а я пошел на Вишеру и начал окуна́ться в холодную воду, выгоняя хмель. И окунался до тех пор, пока не выгнал.

В другой раз они приехали за мной вторым — Коля с братом Алексеем и Сергей. На двух мотоциклах.

— Поедем на рыбалку! — объявил Коля.

— У меня удочек нет! — находчиво ответил я.

— У нас есть! — ответил младший брат, кивнув на люльку.

Я не был любителем рыбной ловли. Но попробуй откажи друзьям? Впрочем, они тоже были не большими любителями.

В люльке оказались сумки с бутылками и закусками.

В двадцати километрах от города протекала река моих предков — Язьва, над ней проходил железный мост, а за ним мы свернули с трассы налево и вскоре выехали к самому красивому месту в мире: белые берёзы стояли группами, как девушки на танцах, между берёз стелилась чистая зелёная трава, и всё это — на берегу тихой старицы. Мы остановились у старого костровища, со-

брали сушняк и развели костер. Кто не был в раю, может съездить и проверить мои слова.

Друзья накачали резиновую лодку и закинули бамбуковые удочки. Все сделали быстро и аккуратно, чтобы больше не отвлекаться. Сколько было водки, я не запомнил. Много её было. Вместо свежей рыбы на закуску шла сардина в масле. В этом было что-то порочное — в океанской рыбе на берегу волшебной старицы. Но не мне было судить ребят, организовавших такой незабываемый отдых. Во всяком случае, начало я не забыл, а все остальное напоминало экзистенциальное кино Тарковского, где детали пейзажа становились символами, а мы — то мычащими скотами, то бессмертными пацанами, вернувшимися в ту юность, когда ходили за подснежниками и берёзовым соком.

Мы пытались достать удочки, но только запутали лески, слава богу, не перевернулись в лодке, поймали нескольких, кажется, окуней, ещё чего-то и сварили всё-таки уху, но уснули в её аромате прямо вокруг костра, как звери. Потом ползали на четвереньках в утреннем тумане, искали друг друга, находили и снова теряли, собирали удочки, снова пили и падали на траву от хохота. В те минуты нас всех хранил бог. В те минуты. У него ещё хватало тогда терпения.

Не помню, как я выглядел, когда вернулся домой.

Помню, отец посмотрел на меня и сказал: «Вырвался Пугачёв в Яицкие степи!» Он всегда говорил так, когда я появлялся на Вишере.

Серёжа, как и Коля, считал, что у него всё должно быть лучшим. Я думаю, это хорошая мужская черта. Поэтому жена его была красавицей: невысокого роста, с тонкими чертами лица и вьющимися пепельными волосами. Звали её Светланой — я с ней почти не общался. Серёжа не стремился ко встречам со мной, а я не настаивал. Думаю, у него появился комплекс, связанный с отказом от юношеских амбиций. Как у Коли. Они отказались от мечты, применив для защиты психики простую формулу: ум об-

разование превосходит. Но в подкорковой глубине мозга оставалась обида на судьбу, поэтому к тем, кто от амбиций не отказался, относились как к свидетелям своей неудачи, с которыми лучше не встречаться. В то время я не понимал, что за всем этим стоит ущербный комплекс, я по-прежнему любил своих друзей. Правда, со временем стал замечать, что говорить с Серёжей было не о чем. Он просто не хотел говорить со мной.

Серёжа работал бригадиром на бумажном комбинате и тоже жил в доме из бруса, который сам построил. Я у него ни разу не бывал. И вообще его семейную историю узнал со слов Коли, которого нельзя было назвать молчаливым. Молчаливым был Серёжа, который говорил редко и медленно, хотя мог в любое время выйти на сцену. Но не выходил.

Однажды Коля заметил Светлану в столовой предприятия с молодым человеком — один раз заметил, потом второй. Бабы ему быстро объяснили, что у этих двух «роман» — и что они в столовую чуть ли не за ручки ходят. Такое поведение в городке, где все друг друга знают, Колю изумило. Но он молчал, понимая, что это может значить для друга, у которого двое детей. Коля молчал, но, повторяю, молчаливым он не был. И увидев Светлану с молодым человеком в очередной раз, он пошёл к Серёже в цех.

— Я к тебе с плохой новостью, — сказал он, — соберись.

Серёжа кивнул головой и опустил глаза.

— Ты прости, что именно я пришёл к тебе с этим, но, похоже, больше никто не придёт.

И Коля ему всё рассказал.

Серёжа был настоящим мужчиной — он не стал разбираться, выяснять отношения и размазывать сопли по подоконнику. Он пришёл домой, молча врезал своей красавице по физиономии, собрал вещи и ушёл к родителям.

Молодой любовник жены не бросился к возлюбленной, чтобы взять её за руку и повести к венцу с двумя детьми. Впрочем, никто не бросился.

Я приходил к Серёже, когда он жил с родителями. Туда же к нему прибегали дети,

любившие своего талантливого отца. Кудри моего друга стали ещё больше, но сильно поседели. Он раздался в плечах, оброс мускулатурой и вообще заматерел. Занимался охотой и рыбной ловлей.

Однажды он подарил мне рожок северного оленя, вставленный в кусок сосновой коры. Потом предлагал засушенного и залакированного рака, красивого, как созвездие на ночном небе. Я отказался — мне показалось, Серёжа раздаривал всё, чтобы не связывать себя с бытием. Какое-то равнодушие ко всему сквозило в его большом взгляде.

На следующий год Коля повёз меня и жену к Язьве, но перед мостом свернул налево и поехал между рекой и сосновым лесом. Километрах в пяти опять свернул — на песчаную дорогу, которая в больших и светлых борах стала разветвляться до тех пор, пока совсем не потерялась в его белых мхах.

Моя жена выросла южнее, где хорошие леса давно вырубил, и она была уверена, то те тёмные лога с буреломом, которые у них оставались, это и есть грибные места.

Первые полчаса она собирала маслята и синявки, наполняя ими нашу единственную корзину. Коля тоже ходил между сосен, лениво, как избалованный изобилием чалдон. Он хитро улыбался, наблюдая за нами. И действительно — вскоре жена начала удивлённо кричать, бегая по бору, от одного гриба до целого семейства, осторожно раздвигая мох, откуда появлялись целые соборы крепких коричневых шляпок. За час мы насобирали столько красноголовиков и боровиков, что мне пришлось снять рубаху и завязать её мешком, чтобы вошло всё это богатство.

— Ну, теперь ты поняла, что такое грибные места? — самодовольно спрашивал я.

— Поняла-поняла, — смеялась она.

Коле доставляло удовольствие делать людям приятное. Например, отвезти друга с женой на грибное место. Он мог сорваться — и рвануть за пятьдесят километров на мотоцикле, если кто попросит. И однажды его попросили. В последний раз.

О гибели Коли я знаю по легендам, которые ходили между друзей и родных. В этих сумрачных рассказах много печали и правды, много озарений, поздних, как всё, что бывает уже после смерти героя.

Рассказывали, в тот день он выпивал в компании с мужиком и женщиной, после чего они сели на мотоцикл и поехали в сторону села Верхняя Язьва. Кому-то из Колиных собутыльников потребовалось именно в этот день съездить туда, чтобы купить поросят. Я не думаю, будто моего друга в тот момент могли волновать проблемы разведения домашнего скота, не хрюшки стали для него поводом сесть за руль и рвануть за пятьдесят километров от города. Видимо, кто-то хорошо попросил.

Говорят, уже было темно, когда они вышли на эту трассу, ведущую к Верхней Язьве, родине моих предков.

Я приехал на похороны Коли с женой. Мы подошли к его дому, во дворе стояла толпа людей, но какими-то разрозненными группами, не общаясь друг с другом. Алексей разговаривал со своими сверстниками и к нам даже не повернулся. Он был спокоен, не плакал, вёл себя мужчиной, которого даже смерть брата смутить не может. Мне это не понравилось, и я не стал подходить к нему.

— Которая Серёжина? — спросила жена.

Я кивнул на женщину, выделявшуюся броской внешностью и одеждой.

— Я так и подумала, — ответила жена.

Толя тоже приехал из другого города, он стоял, навалившись грудью на забор, его тошнило — похоже, он выкурил больше, чем вообще мог выкурить.

Мой отец сунул пачку «Примы» в карман, сказал: «Без сигарет никуда!» — и пошёл на кладбище за нами.

Могила была вырыта. Мой отец шагнул на свежий земляной вал и крепко расставил ноги, глядя себе под ноги, в желтую вечность Вселенной. Я же говорю — они никогда ничего не боялись.

Я смотрел в сторону — на могилы ещё того, старого Вишерского кладбища, уже тогда зараставшего лесом.

О чём я вспоминал в те минуты? О муже троюродной тётки, тоже Коле.

Молодой сосед, служивший в милиции, отобрал у дяди Коли бутылку водки, чтобы выпить самому, и ударил его в грудь кулаком. Дядя был невысокого роста и хрупкого телосложения — сказалось голодное военное детство. От удара он вылетел спиной на штакетник.

Через несколько дней мать послала меня к дяде Коле.

— Он лежит, видимо, умрёт, иди, попрощайся!

— Как это — попрощайся? — испугался я.

— Просто посиди рядом с ним.

Дядя Коля лежал в постели. Он был совсем худым и синим. Тётя Тася усадила меня на табуретку рядом с ним.

— Болеете? — спросил я.

— Умираю, — ответил он.

— Поправитесь, — сказал я.

— Уже нет, — прикрыл глаза он.

На следующий день я увидел, как к нашему дому подбегает тётя Тася, закрывая покрасневшее лицо рукой. Она плакала. Я всё понял — она бежала сообщить моей матери, что дядя Коля умер.

Вот я вижу другую картину, более раннюю, как иду с матерью и её сестрами сюда, на погост. Мне восемь лет. Мать говорит, что сегодня семик. Что это такое, я плохо представляю. Мы идём поминать родных на кладбище.

Мои тётки убирают могилу своей матери, раскладывают на бумаге хлеб, яйца, помидоры, ставят бутылку водки. Я ещё не знаю, что это такое — водка, но видел, что её пьют взрослые. Потом поют песни.

Мы с сестрой убегаем между могилами, со страхом рассматриваем православные кресты, мусульманские полумесяцы. Бегаем долго, заглядывая за ветви деревьев — там какие-то чёрные цепи на железных столбиках... Заброшенные памятники.

Когда возвращаемся, две наших тётки были уже пьяны. Тётя Поля лежала на могиле лицом вниз, она плакала. Неожиданно плачь перешёл в страшный рёв — она выла, разрывала землю пальцами, будто пытаясь прорваться туда, к своей матери.

Нам с сестрой становится ещё страшней. Моя мама пытается успокоить тётю Полю, но та начинает выть ещё сильнее.

Много позднее я понял, что мои тётки прошли всё, что только может достаться человеку, — войну, голод, болезни и смерти родных. Им нечего было стыдиться здесь, на могилах своих между деревьями Вишерского кладбища.

Мы похоронили друга Колю, напились водки, наглотались слез и разлетелись по миру в поисках счастья.

Года через два я пришёл к тёте Насте с бутылкой водки. Мы сидели с ней вдвоём у окна — и она рассказывала мне о том вечере, когда погиб сын.

— Коля обещал прийти ко мне, но не пришёл... Алёша был на их квартире и сказал, что Коли уже давно нет. Потом стемнело... Неожиданно я сильно забеспокоилась — и в кои веки решила сходить к соседке, чтобы та погадала. Соседка раскинула карты — и нахмурилась. Я, говорит, не знаю, что произошло, но что-то плохое, связанное с дорогой. Она такая гадалка — никогда не врёт! У меня прямо сердце заныло... А ночью все сообщили.

Коля ехал на мотоцикле — за рулём, за ним — мужик, а женщина — в люлке. В темноте он не заметил яму, оставленную дорожниками без ограждения. И полетел туда. А руль от удара вывернулся и вошёл ему рукояткой в живот.

После аварии Коля ещё вытащил мотоцикл из ямы и повёз помятых собутыльников в город. А по приезду умер, от кровотечения.

— А ты знаешь, кто сидел у него за спиной, когда они падали в яму? — спросила меня тогда тётя Настя.

— Кто? — удивился я — наверное, тому, что это вообще могло иметь значение.

— А тот самый мужик, который сидел на берегу, когда тонул первый муж Людмилы. Коля в тот день пил с ним и его подругой!

Я был озадачен словами тёти Насти и не мог сообразить, что же произошло на самом деле — такое, что привело к гибели Коли.

— И первого мужа Людмилы тоже он, Василий, напоил, а потом смотрел с берега, как тот тонул!

— Что это может значить? — спросил я.

— Есть такие люди, которые приносят несчастье другим... Надо остерегаться их! Тёмные люди!

— А может быть, ещё что-нибудь значит?

— Может быть... Может быть, он завидовал мужьям Людмилы, а может быть — это её грех! Мы ещё многого не знаем, как люди влияют друг на друга и по каким законам живут. Вот как сказать — почему карты всё точно сказали? Ты можешь ответить?

— Нет...

— И я не могу! Не надо было ему жениться на ней, хотя, конечно, сейчас, после рождения Колиного сына, это говорить нельзя... Мир после его рождения стал другим — и уже говорить об этом нельзя, а после Колиной смерти сказать можно, один раз!

Тётя Настя смотрела куда-то в окно, а я на неё смотрел. Этот разговор и эта водка так подействовали на меня, что я не выдержал... Когда она повернулась ко мне, я плакал.

— Ну что с тобой, милый? — сказала тётя Настя. — Хотя поплачь... А я уже не могу, вся высохла.

Я возвращался в родительский дом, глабоко надвинув кепку на глаза.

Толя стал механиком блатного гаража одного из ОРСов — отделов рабочего снабжения под Березниками. Он хорошо зарабатывал, покупал дефицитные вещи — золото и меха, с женой, врачом, воспитывал дочь и сына, но однажды ночью за ним пришли, из военкомата. И вскоре он оказался на борту самолёта с несколькими десятками таких же неожиданно мобилизованных мужиков. Только на месте они выяснили, что находятся на территории Чернобыля, города, в котором произошла крупнейшая атомная катастрофа века. Толя стал начальником штаба батальона ликвидаторов аварии и получил такую дозу облучения, которая обеспечила его инвалидностью на всю

оставшуюся жизнь, вегетативной дистонией и другими симптомами лучевой болезни.

В одном санатории он встретился с женщиной, которая остановила его: «Толя?» Он не узнал её — это была чёрная вдова, Людмила. Та самая. Восстанавливала здоровье для следующей любви.

Каждый выбирает дорогу сам. Пётр Данкин, вишерский репрессированный, говорил моему отцу: «Я во время Первой мировой с Будённым в одном полку служил — три лычки носил, а он две. Но мы с ним разными путями пошли».

Через три года после того, как я побывал у тёти Насти, погибли Алексей и Серёжа. Они возвращались с рыбалки и на мосту не справились с управлением. Об этом мне сообщил по телефону мой отец.

— Пьяные были? — спросил я.

— В стельку! — ответил отец и рассмеялся.

Я не осудил его, ведь мой отец начал хоронить с военного детства, в одиночку, вырывая могилы ножом в крымских горах. И он так много похоронил, что уже не чувствовал разницы между тем светом и этим. И, скорее всего, хотел как-то смягчить удар по моей психике.

Машина тонула в Язьве вместе со своим водителем и пассажиром. Отец потом рассказывал мне, на стеклах остались следы от ногтей — видимо, они пытались выбраться из салона таким образом, когда дверцы заклинило от удара. В страшном сне невозможно представить себе гибель друзей — за пределами разума и воображения.

Тётя Настя умерла, слава богу, до гибели второго сына. Дети никогда не думают о том, что к смерти они приговаривают не только себя. Родители Серёжи тоже ушли за сыном.

Интересно, что 17 сентября 2006 года, в воскресенье, я был на Вишере, а в это время ко мне домой в Перми пришёл Толя. Так и ходим друг за другом по кругу. Они пили чай — с моей женой и сыном. В понедельник он позвонил мне из госпиталя, а во

вторник я поехал к нему, в розовое здание на краю городского леса. Улица так и называется — Подлесная.

Мы поднялись к нему на шестой этаж в палату, трёхместную. У одной кровати стояла коляска. На кровати никого не было. Но я тут же понял, что ошибся — там спал человек, чуть ли не целиком закрытый одной подушкой. Ног вообще не было. Белый обрубок плоти.

— Чеченец, — сказал мне Толя, когда вышли.

Наши солдаты называются национальностями тех, с кем воевали. Может быть, потому, что их невозможно назвать врагами. Разве чеченцы нам враги? Это граждане нашей страны. А попробовали бы назвать солдата Отечественной немцем! А пулю из трофейного не хочешь? Получается, происходила идентификация с противником. Потому что он не был врагом — человеком, пришедшим завоевать твою землю. Наоборот — это ты пришел на его территорию. Значит, лучше звать чеченцем или афганцем, чем русским. Никто из них не возмущается новым именем.

Мы с Толиком сидели за столиком в холле, когда появился высокий красивый мужчина в джинсовом костюме. Друг назвал меня.

— Женя, — представился мужчина, крепко сжимая мою руку. И пошёл дальше, при каждом шаге прямой правой ногой как бы опрокидываясь туловищем назад.

— Ранение в позвоночник, — сказал Толя, — из отряда «Медведь». Третий из нашей палаты.

Я ходил в госпиталь ещё к отцу. Всё меньше здесь старых, всё больше молодых. Помню, какими были зубы у друга в молодости — ровные и белые. Теперь они сгнили и поредели.

— Как ты? — спросил.

— Ничего, — улыбнулся он, — часто теряю сознание, особенно летом, в жару.

— Что врачи говорят?

— Говорят, будто не могут поставить диагноз.

— Даже так?

— Врач говорит: «Что же тебе записать?»
Отвечаю: «Может быть, деревянный костюм?» — «Может быть, — соглашается — и тут же добавляет — Я пошутил». — «Я тоже», — говорю.

Выяснилось, ему надо ехать в Екатеринбург, на компьютерную томографию мозга. За свои деньги. При этом женщина-специалист из краевой больницы не даёт ему направление. Почему не даёт — загадка, наверное, у них там лимит для тех, кто останется жить. Что Толик не останется, они уже давно решили.

На Четвёртом энергоблоке Толя, кроме опасной службы, занимался поиском спирта, который добывал трёхлитровыми банками. Он всегда гордился, мягко говоря, своими деловыми успехами. Какую шубу приобрёл жене, какие сапоги — дочери. Он, выросший в советской бедности, в холодном щитовом домике, гордился тем, что может позволить себе то, что раньше доставалось только блатным. Он открыл собственное кафе и магазинчик. Удивляло не это, а то, с каким равнодушием он относился к спившемуся отцу и больной матери. Из каких генных недр вылезло это первобытное состояние? Человек сам выбирает, что из него вылезет. Там много всего, точнее, — там есть всё.

Там есть всё. А вот из передних зубов у Толи остался один слева вверху. В рот ему я не заглядывал, но, думаю, не акулья пасть. Сильно сдал телом. Сбросил мышечный корсет. Рассказывал, как шёл по городу из магазина, пошатнулся — и упал спиной в лужу.

— Лежу — подняться не могу, — говорил он, — люди идут мимо, наверное, думают, пьяный бич, или просто наплевать. Подошла только одна старуха, узнала меня, помогла подняться. Потом парень с первого этажа дотащил до пятого. Жена смерила давление: 60 на 80! Заварила крепкого чая, попил — стало легче. А прыгает, бывает, до 180.

Толя стал похож на своего отца в старости — дядю Мишу, который находил утешение в водке. «Э, сколько видано-перевидано, в тихой гавани после плавания

вспомнить будет о чем...» Отец в старости стал таким же худым и неуверенным в движениях. Он уже не шил кожаные фуражки, чтобы заработать копейку для детей. Дети выросли и разлетелись, оставив дядю Мишу наедине с прошлым. Эта же участь постигла его сына.

Снова приехал Толя. Заметно, что пить стал меньше. Зато курить больше. Принёс только две бутылки пива.

— Ты чего?

— В могиле не покуришь, — ответил, выходя из комнаты на кухню.

Там и не выпьешь... Где кафе, магазин, золото? Всё продал. Чем теперь хвастать будешь?

— Моя дочь стала заместителем губернатора Свердловской области, — неожиданно сообщил он.

— А муж?

— Муж работает аппаратчиком на заводе. Вечерами ей сапоги моет.

Понятно — вот чем гордиться будешь.

— И в кого она такая умная?

— В тебя, — говорю. — Приезжает в гости?

— Была...

— Когда?

Молчит, смотрит в тарелку. О чём он думает?

— Семь лет назад.

— Понятно, — говорю.

На машине от Екатеринбурга до его дома десять часов, ну двенадцать.

— Сам ездешь?

— Жена ездила.

— Понятно, как она?

— Кто?

— Да жена!

— Спортом занимается, гимнастикой, на лыжах бегает. Фрукты кушает — бананы, виноград. Долго жить хочет...

Без тебя она жить будет — подумал.

— Машину куда дел?

— Сыну отдал.

— Как ты без неё, без машины?

— Тут у меня в гараже один водитель работал, Миша, — ожил Толя, — всю жизнь проработал — и ни разу новой машины не

получал. А тут ГАЗ-53, прямо с завода. Сам ехать боится. Подошёл к одному нашему и на колени встал: «Пригони машину — ящик водки поставлю!»

Тогда за дела расплачиваться деньгами было запаadlo. Старики-провинциалы, не имевшие опыта вождения в больших городах, старались не попадать на городские перекрёстки.

— Я сам сегодня уже боюсь за руль сесть, — продолжил Толя, — а тогда я механиком был, сказал мужику: «Встань! Я пошлю подменного водителя». Ну, машину пригнали. Миша до 9–10 часов вечера с работы не уходит, всё вокруг машины вертится, протирает от пыли, смазывает. Однажды я задержался на работе и увидел такую картину: Миша ходил вокруг машины, ходил, а уходя наклонился и быстро поцеловал её в крыло... Он относился к ней как к живой. Такая вот любовь была. А мне машина больше без надобности.

— На Вишере бываешь? Что там Людмила? — спросил я.

— Ты не поверишь, — ухмыльнулся он, — вышла замуж в третий раз.

— И что?

— Третий тоже погиб.

Я онемел. Мой исторический материализм рушился, как Советский Союз. А вместе с ним — диалектический. Мы не проходили этого в университете. Какая-то чёрная вдова убивает мужей и разрушает психику родных и друзей.

— Чем она занимается?

— Заместитель главы администрации города, — ответил Толя и засмеялся.

Я срочно открыл вторую бутылку водки. Я боялся задать вопрос, который избежать было невозможно.

— Можешь не спрашивать, — неожиданно сказал Толя, — он был там... Случайный выстрел на охоте.

Одна за другой появлялись страшные мысли: один человек может убивать другого, вольно или невольно, не нажимая на спусковой крючок, а только запуская череду событий мыслью, словом, проклятием. Но кто произнёс это слово? Неужели сама она? В это не верилось. А если тот мужик? Тот, некто третий, всегда стоявший за спиной мужа?

В новогодние праздники Толя звонил два раза — поздравлял, приглашал в гости: «Мой сын за вами заедет!» Моя жена ехать отказалась. Я тоже не рискнул — я столько не выпью. Я умру первым, если выпью с Толиком столько. Я не поехал, поэтому первым умер Толик.

Ночами я часто думаю, что же стало реальной причиной трагедии моих друзей. Конечно, не водка, не машины и даже не жены. И мне всё чаще кажется, это нечто мистическое, что выше нас, похожее на игру в кости, когда мужчине не удаётся прорваться сквозь пелену божественного бытия и угадать собственное предназначение, которое он должен был реализовать в этом мире. Не для того тебе дарована жизнь, уверен я, чтобы ты бросал её под ноги дегенератам с водкой и слабоумным бабам. Ты ещё и Геркулесовых столпов не прошёл, брат. А ведь за ними солёные океаны, которые бушуют уже пять миллиардов лет. А может быть, я не прав — и есть более мощные причины ранней смерти моих друзей? И я когда-нибудь узнаю о них, может быть — или не может.

И об одном только молю я маму Вселенную: будь милосердной, не лишай меня надежды хоть когда-нибудь, когда уже и Земли не будет, на той стороне бытия, за пеленой, встретиться с теми, кто ушёл от меня в вечность, оставив загадки, над которыми мне суждено биться до конца земного пути. Не лишай меня хотя бы надежды.